
Марк ХАРИТОНОВ

МЕЛОДИИ ВРЕМЕНИ

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Голос, молочный напев до памяти до рождения
Обволакивает, в нем живешь наяву ли, во сне.
Когда-то возникнут слова, проявятся сами из ритма,
Понятные, как волшебство в мире сказок,
Где желания задаются, как задана в музыке тема,
Чтоб, повторившись еще, и еще раз, и третий,
Сбыться, исполниться, ублаготворить разрешением, кодой.

С ГУСЯ-ЛЕБЕДЯ ВОДА

Льется вода из ковша, в памяти вдруг возникает:
«С гуся-лебедя вода, а с тебя худоба».
Ты ли приговаривал это детям, повторял дочерям, сыну,
Мама ли напевала, поливая тебя из ковша,
Чтобы потом обернуть легкой сухой простыней?
И мама, и ты.
Жизнь уже, кажется, сжалась в короткую скороговорку.
Извлекаешь мгновение из беспамятства — вот оно
Разрастается, наполняется звуками, светом лампы сквозь пар,
Запахом глаженной свежести, чистоты.
Желанием вновь и вновь вспоминать, находить слова.

ТАНЕЦ ЛЮБВИ

Над водой двойные стрекозы, в слюде разлитое солнце,
Самозабвенность полета, ликующий танец любви,
Изнемогающий трепет, напряженность сияния.
Поет, волнуется воздух, в котором рождается жизнь.

Марк Сергеевич Харитонов родился в 1937 году. Прозаик, эссеист, поэт, переводчик. В 1992 году стал первым лауреатом русской Букеровской премии (за роман «Линии судьбы, или Сундучок Милашевича»), в 1997 году удостоен французской премии за лучшую эссеистическую книгу года («Prix du meilleur livre étranger essai»). Произведения М. Харитонova переведены на многие языки. Живет в Москве.

ВЕСЕННЯЯ ЭРОТИКА

На березовой коже — угол к земле острием.
Внизу, в рыжевatom лубе расширить мохнатую щель,
Чтоб сразу набухла соком, — и вставить, ввести поскорей
Затверделый стебель, соломину, присосаться губами,
Вбирать, наслаждаться — а сок все течет, все течет.

ЛЮБОВНЫЕ МИНИАТЮРЫ

* * *

Голубок пригрелся в горсти, ожившая роза
Расправляет под пальцами лепестки.
Сок проступает из глубины,
Сок нежности и ожидания.

* * *

Шмель погружается в сладость,
В золотистый медовый раструб,
Шевелится, урчит, наслаждаясь,
Глубже, глубже, еще немного,
Чтобы там, в глубине, исчезнуть
С головой, с потрохами, с лапками,
Раствориться, совсем растаять.

МУЗЫКА В МУЗЕЕ

Тяжелеют статуи снов
Над застойными водами лет.
Время в стенах окоченело
Вместе с маятником часов.
Озадаченные владельцы
(Подбородки, седины, букли,
Нарисованные румянцы)
Смотрят, не мигая, со стен,
Как уверенный незнакомец,
Не представившись, не спросясь,
Открывает крышку рояля.
Струны замерли напряженно,
Все еще не решаясь верить,
Что такое опять возможно.
Принц ли он, пришедший снять чары,
Пробудить застывшие звуки,
Да хотя бы просто настройщик?
Поправляет под задом стульчик
И, откашлявшись, точно доктор,
Прикасается мягко, пробно.

Холод пальцев на ребрах клавиш
Отзывается дрожью счастья,
Благодарности, опьянения.
Ничего, если выйдет не сразу,
Поправляй, веди, лишь бы снова
Откликаться, желать, звучать.
Невостребованность — летаргия.
Грезить, струнами всеми немея —
Тяжелей, чем не жить. Дышат свечи,
Тени пуская в танец. Опять —
Головокружение, счастье звуков,
Трепет воздуха, ласка пальцев,
Упоение, времнепад.

ЛИСТ

Слабодохнул ветерок. От высокой липовой ветки
Отделился зеленый лист. Не захотел, видно, терпеть,
Дождаться осеннего срока, растягивать, продлевать
Скуку привычного увядания — непожелтевший, живой,
Восхищался полетом, еще небывалой свободой,
Кружил, ни за что не держась, старался замедлить,
Удлинить, насколько возможно, единственный путь.
Ветерок поддерживал, поднимал. Другие, с ветвей,
Провожали полет собрата шелестом пересудов.
Сочувствие было в их шелесте, любопытство
Или тревожная зависть? Успел раньше них узнать
То, что им предстоит. У них оставалось время
Еще подержаться на ветках, понаслаждаться
Воздухом города, соками порченной бензином земли.

Старик на скамейке приподнял подбородок от рук,
Лежавших на набалдашнике, пробовал проследить
Прихотливую траекторию или движение мысли...
Не удержал, утерял. Лист смешался с другими в траве —
Не найти. Да уже и не вспомнить зачем.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Из Фернандо Пессоа

Времена, когда праздником был день моего рождения...
Я был счастлив, и все еще были живы,
Собирались у нас, в старом доме — это была традиция,
Что-то вроде светской религии, ритуал, торжество,
И я отмечал его, праздновал вместе со всеми.

Времена, когда праздником был день моего рождения...
Все меня называли умницей, хотя что я тогда понимал?
На меня, говорили, надеются — значит, я был достоин надежд.
Когда начал надеяться сам — надежды уже не осталось.
Стал понимать что-то в жизни — в ней уже не было смысла.

Да, наверное, лишь в сердцах тех, кто меня любил,
Я еще кем-то был. Куда все это ушло —
Время, когда праздником был день моего рождения?
Сейчас я похож на разъеденный сыростью дом
(Тот, старый, едва различаю сквозь мерцание слез),
Дом, переживший жильцов, никому уже больше не нужный.
Так отгоревшая спичка переживает себя.

Времена, когда праздником был день моего рождения...
Я еще мог любить, кем-то казался себе, надеялся кем-то стать,
Странствовал больше в мечтах, нежели наяву,
И не сомневался при этом, что действительно существую.
Ничего этого больше нет, все проглочено второпях —
Не успел даже толком распробовать вкус.

Я, точно слепец, не различаю того, что вокруг,
Но отчетливо вижу тот стол, скатерть на нем, посуду,
Угощения, фрукты, пирожные — им не хватало места,
Тетушек старых, кузин, и все это для меня —
Во времена, когда праздником был день моего рождения.

Сердце, остановись! Не стоит томиться зря.
Добавлены лишние дни, но праздника нет среди них.
Я пережил себя. О, Боже, о, Господи Боже!
Какая же это боль — невозможность с собой унести
Время, когда праздником был день моего рождения.